

Рамышевское осадное сидение 1613–1614 годов

Название населенного пункта Рамышево хорошо знакомо всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны. Этот огненный Рамышевский «коридор смерти» – узенькую ниточку, соединявшую окруженную в феврале 1942 года Демянскую группировку немецко-фашистских войск с главными силами вермахта, – ветераны войны не забудут никогда¹. И сейчас много внимания историки уделяют данному сюжету. Однако в этом районе еще за 330 лет до указанных событий происходили боевые действия между московскими войсками Михаила Романова и отрядами шведско-новгородского правительства, о которых, к сожалению, почти ничего не известно.

История Смуты на севере страны до настоящего времени во многом остается тайной для исследователей. С вводом в научный оборот документов Новгородской приказной избы (оккупационного архива)², шведских документов из Стокгольмского государственного архива³, документов из семейного архива графов Делагарди в Тарту⁴, а также документов из РГАДА⁵, изучение событий Смуты в этом регионе станет менее затруднительным для всех, интересующихся русско-шведскими отношениями в Смутное время.

Наименее изученными, на мой взгляд, являются военные действия, происходившие в районе Старой Руссы. Исследователи освещали лишь один эпизод, связанный с походом Скопина-Шуйского весной 1609 года, уточняя, что после захвата Новгорода шведами в 1611 году Старая Русса также присоединилась к Новгородско-Шведскому альянсу. Одним из неизвестных эпизодов в период шведской оккупации Новгородской земли является так называемое Рамышевское осадное сидение. Этим событиям местный краевед И. Н. Вязинин, а также А. Л. Станиславский и Е. И. Кобзарева посвятили лишь несколько строк, указав на численность казачьего отряда и его командира⁶. Несколько подробнее о командире отряда А. Ф. Палицыне писал С. В. Бахрушин, однако его труд был посвящен другому периоду жизни этого воеводы, поэтому событиям под Старой Руссой историк уделил мало внимания. С. В. Бахрушин в статье об этом «русском интеллигенте 17 века» основное внимание уделил его жизни в конце 1620-х – начале 1630-х годов, когда Андрей Федорович Палицын два года был воеводой в Мангазее. Именно о данном

периоде его биографии сохранилось много документов, благодаря стечению обстоятельств, связанных с одним грандиозным сыском⁷.

О более ранних годах жизни Андрея Палицына С. В. Бахрушин приводит лишь отрывочные сведения. Не ставя перед собой задачу рассказать о деятельности Палицына в годы Смуты и не имея под рукой необходимых источников об этом периоде, осторожный историк в своем очерке при обращении к событиям Смутного времени часто использует слова «вероятно», «очевидно», «скорее всего», «можно предположить» и т.д. В настоящее время, имея новые источники, можно, во-первых, проверить эти предположения (источники в основном подтверждают высказывания С. В. Бахрушина), а во-вторых, добавить новые штрихи к биографии Андрея Палицына и осветить неизвестные ранее события Смуты в районе Старой Руссы, непосредственным участником которых был А. Ф. Палицын.

В сентябре 1613 года по решению Боярской думы в поход на Новгород был направлен Д. Т. Трубецкой. Передовой отряд его войска, состоявший в основном из казаков, возглавил Андрей Палицын⁸. К этому времени у него были свои счета со шведско-новгородской администрацией. Е. И. Кобзарева привела сведения о конфискациях «изменничьих» поместий в Новгородской земле, в том числе и поместий Палицыных в Деревской пятине. Поместье Андрея Палицына в 150 четей получил Иван Негодяев⁹.

В отряде Андрея Палицына, направленного к Старой Руссе, находились не только новгородские дворяне Деревской пятини, присягнувшие Михаилу Романову, но и четыре казачьи станицы атаманов Ивана Балаша, Бессона Гаврилова, Андрея Звенигородца и Мурзы Елисеева. Об этих атаманах упоминал А. Л. Станиславский, который отмечал: «По-видимому, Андрей Палицын был старым предводителем казаков»¹⁰. Также в отряде Палицына воевали атаманы Оська Левин, Семен Балака, Яков Пешков, Семен Долгов. В Разрядных книгах приводятся сведения о количестве казаков осенью 1613 года в войске Д. Т. Трубецкого (11 атаманов и 1045 казаков)¹¹. По-видимому, все они входили в отряд А. Ф. Палицына, направленный к Старой Руссе. Такого же мнения придерживается и Е. И. Кобзарева¹².

Уже осенью 1613 года А. Палицын организовал партизанскую борьбу со шведами в Новгородском уезде. Под его командой образовался отряд казаков, с которыми он засел в Рамышевском острожке под Старой Руссой. С. В. Бахрушин писал, что Палицын создал угрозу городу, занятому шведским отрядом ротмистра Вагнера. Под угрозой находился и сам Новгород. Со своими силами Палицын не мог

добиться крупных результатов, но даже сидя в осаде в своем острожке он мешал сношениям шведских воинских частей между собой¹³.

Шведский король Густав Адольф, узнав об избрании Михаила Романова и восстаниях в Тихвине и Гдове, предполагал, что вскоре должны начаться бои под Старой Руссой с москвичами. Поэтому он еще 6 сентября 1613 года писал Делагарди, что «после завоевания Тихвина и Гдова нужно разместить войско в Старой Руссе и других соседних городах и монастырях, и снабжать солдат зимой еженедельным жалованием»¹⁴.

Яков Делагарди также готовился к отражению наступления москвичей к Старой Руссе. Он еще в 1612 году велел восстановить крепость в самом городе при слиянии Порусьи и Перерытицы (разрушенную еще по приказу Ивана III). Видекинд писал, что осенью 1613 года Делагарди «выстроил также на подступах к Старой Руссе укрепление, откуда часто делались вылазки, причинявшие грабителям не только величайший урон, но не раз вынуждавшие их отступить со множеством раненых. Так как все попытки взять это шведское укрепление были безуспешны, неприятель стал в 4 милях отсюда, укрепив свой лагерь частоколом, в надежде на скорое прибытие подкреплений»¹⁵. Этот «лагерь с частоколом» и есть знаменитый впоследствии Рамышевский острог.

Пока к шведам не прибыли дополнительные войска, казаки Андрея Палицына окружили шведское укрепление под Старой Руссой рядом своих небольших острожков. С северо-запада, запада и юго-запада были построены Снежский, Дретинский и Должинский острожки, с юга, юго-востока и востока – Коломенский, Ефремовский, Черенчицкий, Воскресенский острожки. Главным опорным пунктом казаков оставалось Рамышево.

Борьба принимала все более ожесточенный характер. Вначале происходили «легкие предварительные стычки, вызывавшиеся или своеволием, или необходимостью». Шведы и новгородцы поступали с москвичами так же, «как они сами поступали с Новгородской землей, куда послали большие силы для ее разорения. Казаки, в виде наказания (жителям), разоряли уезд в Старой Руссе»¹⁶. Через год, в январе 1615 года новгородские послы писали царю Михаилу, что казаки под Новгородом «чинили насильства и беды такие, что и бесермены не чинят»¹⁷.

Из допроса москвичей, взятых в плен на московской дороге 29 ноября 1613 года, шведы узнали, что у Старой Руссы стоят 2000 казаков¹⁸. По сведениям новгородца Н. Калитина, в конце 1613 года с Андреем Палицыным было 2500 человек¹⁹. Шведы,

которые хорошо знали обстановку в России, пугали новгородцев казачьими мятежами в случае перехода Новгорода под власть Михаила Федоровича. Шведские военачальники в январе 1614 года призывали новгородцев к присяге королю Густаву Адольфу, так как «казаки в московских столпах сильнейшие и того ради большую власть имеют, по своей воле и по своему мнению чинят»²⁰.

Юхан Видекинд писал, что походы казаков в Новгородскую землю начались стихийно, что казаки сами пустили слух о необходимости этого похода на Новгород против шведов, чем ускорили ход событий. «Не спросясь Великого князя, они стали нападать на земли княжества (Новгородского) и, разоряя все огнем и мечом, вынудили множество бояр искать убежища в Москве». С той же целью москвичи обнародовали постановление, обещавшее прощение и помилование всем, кто пожелает присоединиться к казакам под Старой Руссой²¹.

Из слов Видекинда видно, что одной из целей московского правительства при отправке отряда Палицына к Старой Руссе было заставить новгородцев присягнуть Москве и способствовать бегству из Новгорода в московские полки всех недовольных оккупационным режимом.

Опустошенные казаками Андрея Палицына окрестности Новгорода и Старой Руссы не в силах были прокормить шведское войско зимой; более того, 400 горожан из-за голода бежало из Новгорода. Видекинд отмечал, что приходилось больше опасаться своих людей, подавленных нуждой, чем неприятеля²².

Шведскому командованию пришлось срочно выручать гарнизоны Новгорода и Старой Руссы. Все шведские подкрепления были посланы бить казаков, нападавших на окраины Старой Руссы. Казаки в особенности были страшны для шведов своими быстрыми и неожиданными нападениями. К концу 1613 года вся военная сила шведов была сосредоточена у Новгорода.

Казаки Палицына взаимодействовали с отрядом Исаака Сунбулова, который укрепился в острожке Вейны, в «укреплении на Московской дороге, в 20 милях от Новгорода» (Рахин острог). По словам Никиты Калитина, у Сунбулова было до 3000 человек. Кроме того, А. Ф. Палицын оказывал помощь Григорию Валуеву. Этот известный деятель Смуты довольно долго оставался верным присяге польскому королю, но летом 1613 года он, находясь в Невеле, присягнул Михаилу Романову. Андрей Палицын направил к нему на помощь 400 своих казаков, которые помогли Валуеву укрепиться в Невеле, а затем вместе с отрядом Валуева предприняли рейд в Литву (набег на земли, контролируемые поляками и для сбора провианта)²³. Об этих

успехах казаков Валуева и Палицына в конце декабря 1613 года сеунчики Валуева сообщили боярам в Москве 25 января 1614 года («о взятии литовских городков Улы и Овсея»)²⁴. Рейд казаков Палицына и Валуева в Литву вынудил поляков направить значительные силы к Невелю (до 3000 человек), вместо того, чтобы оказать помощь Смоленску, осажденному войсками князя Черкасского.

В дальнейшем, в январе 1614 года поляки вместе с отрядом Лисовского осадили Невель, но теперь Палицын уже не мог оказать никакой новой помощи. К этому времени положение отряда Палицына резко ухудшилось. Шведы подтянули в район Старой Руссы свежие силы. Сюда прибыл полк Самуила Коброна. Шотландцы Коброна устроили острожек в 7 верстах южнее Рамышево в Черенчицком погосте на р. Ловать, перерезав казакам дорогу на Торопец. В итоге деревни южнее Рамышево, которые были отданы для корма атаманам и казакам, оказались под контролем врага, они были разорены до основания. Также шведы построили три острога в районе Дретинского погоста западнее Рамышево. Теперь Дретино, Воскресенский и Ефремовский погосты были захвачены врагом. А. Ф. Палицын в своем донесении указывал, что «остальные кормишки отняли», продовольствие к казакам перестало поступать, возникла угроза голода, сил для возвращения этих острожков не хватало, так как многие казаки от голода разбрелись, «обняла в острожке нужда великая, а пойти на них не в силах, ныне у них в собраньи многие люди»²⁵.

Видекинд также отмечает сокращение численности казаков: «Были сведения, что под Старой Руссой собралась тысяча казаков»²⁶. О бедственном положении А. Ф. Палицын писал воеводам и в Москву (донесение было отправлено с сыном боярским Деревской пятины Пятым Мусиным). Получив это письмо, Д. Т. Трубецкой прислал на помощь Андрею Палицыну небольшой отряд в 150 человек под командованием Осипа Хлопова, но без запасов продовольствия. Как писал Андрей Палицын в донесении, «нам от них помощи никакой, только нас оголодали, и мы с ними делимся, ...корму людского и конского взять негде, все отняли немецкие люди». Просьба о помощи в Рахин острог к Исааку Сунбулову и Ивану Давыдову оказалась безрезультатной. Палицын с трудом уговорил казаков «Оську Левина с товарищи» продержаться в Рамышево до царского указа²⁷.

Е. И. Кобзарева нашла этот долгожданный указ царя Михаила Федоровича. Царь счел нужным отправить А. Ф. Палицыну и его товарищам специальную грамоту: «И детям боярским, и отоманом, и казаком, и всяким ратным людем, которые с тобой, да в

острожку, (ты бы) говорил, чтоб они нам служили великим роденьем, сколько милосердый Бог помочи подаст. И мы тебя, и детей боярских, и отоманов, и казочков за вашу службу (зачеркнуто: смотря по службе) пожалуем. И ты те б вести к нам писал, чтоб нам про то было ведомо». В то же время на А. Ф. Палицына возлагалась обязанность укрепить Рамышевский острог, куда к этому времени подошли 2 тыс. шведов²⁸.

Разведчики, прибывшие из Старой Руссы, сообщили Андрею Федоровичу тревожные сведения о новых вражеских отрядах, которые двигаются в этот район. Так, 10 февраля 1614 года лазутчик Кирилл Дрягов доложил Палицыну, что в Старую Руссу направляется с отрядом герцог Саксонский Юлий Генрих, который до этого безуспешно осаждал Гдов («немецкий курфирст удельный князек», «князек Акак Консен»), а также полковник Юхан Менихгофен («полковник Еган», «Яган Милгава»), нидерландский полк которого в сентябре 1613 года взбунтовался под Тихвином из-за неуплаты жалования и ушел в Финляндию. Кирилл Дрягов сам слышал, как солдатам читали приказ: идти штурмовать Рамышевский острог²⁹.

Спасти казаков в такой ситуации могло только везение, казачья смекалка и организационный талант командира. Андрей Палицын не пал духом, а занялся деятельной подготовкой к отражению вражеского штурма. Видекинд и Форстен сообщают, что шведы стояли перед русским укреплением на жестоком морозе под открытым небом в течение шести суток, обстреливали русские калеными ядрами, но те мгновенно тушили огонь мокрыми бычьими шкурами, которыми покрывали все свои укрепления, так что огненные ядра шведов не производили никакого вреда. Шведы предприняли штурм острожка, но, как писал в своем донесении герцог Юлий Генрих, укрепления русских у Старой Руссы оказались неприступны: полковник Менихгофен был отбит со значительным уроном: 50 человек шведов было зарублено, а Нильс Банер, командир личной хоругви короля, убит³⁰. Также были убиты другие командиры, прапорщички и поручички. Остальные, видя это, отступили. Шведы не смогли даже вынести труп своего командира. Тело Банера казаки взяли с собой в острог³¹.

В начале марта 1614 года шведский командир «ротмистр Лоренц Иванович Вагнер» писал Палицыну из Старой Руссы «о размене немецких людей, которые побиты под острожком». Вагнер предлагал в обмен на тело Нильса Банера отдать пленных казаков. Перед этим Лоренц Вагнер и «гетман Юсты» (Юст Клодт, командир роты лейб-регимента Делгарди)³² также писали о размене пленных, предлагая выкуп деньгами, а также соглашались отдать пленных казаков, «чтоб ратные люди с обеих сторон дома были»³³.

О потерях шведов под Рамышевским острожком бояре в Москве узнали из расспросных речей языков, захваченных в марте 1614 года тихвинскими казаками станицы Ивана Микулина «за десять верст от Новгорода по Ладожской дороге». Этим языкам 30 марта привели к боярину Д. Т. Трубецкому, после расспроса их сразу же отправили в Москву. Другие языки, захваченные казаками станицы Захария Яковлева, также сообщали о больших потерях в полках «Самойлы Кобринна и Ягана Милгава». Бояре также узнали, что «князек Акак Консен прибрал под свое знамя человек триста немец, а старых его людей побили под острожком». Яков Делагарди вынужден был отправить «в Старую Руссу на прибавку» свою гвардию, «дворовых своих солдат при знамени», чтобы «Старорусским воеводкам всеми людьми идти в Рамышев острожек и пришед промышлять всякими мерами и острожек взять»³⁴. Но казачья крепость оставалась неприступной.

Из отписки Андрея Палицына царю Михаилу Федоровичу мы узнаем о новой победе казаков в марте 1614 года. Из Рамышева был отправлен отряд атамана Семена Балаки в рейд к Новгороду. Между Старой Руссой и Новгородом казаки внезапно атаковали отряд шведов, многих побили и взяли в плен 6 человек. В этом деле отличились казаки Савелий Иванов и Никифор Константинов, которые были отправлены сеунщиками в Москву вместе с наиболее ценными «языками» (писарь Томас и Манц Михайлов). Их сопровождали для охраны казаки станиц Якова Пешкова и Семена Долгова. Получив донесение Палицына 19 марта, бояре в Москве 21 марта написали ответ, в котором разрешили обменять тело Нильса Банера и других шведов на пленных русских «как бы нашему делу было прибыльнее и лучше»³⁵.

Обо всех этих событиях кратко писал С. В. Бахрушин в одной фразе: «В марте 1614 г. он нанес серьезное поражение шведам между Русой и Новгородом». При этом историк сделал ссылку на два документа, опубликованных в 1890 году Н. А. Поповым³⁶.

Столь же кратко о боях под Старой Руссой пишет Е. И. Кобзарева: «Расчеты шведов заставить русских, которые укрепились в Старой Руссе и там остались без провианта и запасов воды, сдаться, не оправдались, русские получили подкрепления, в то время как шведы из-за недостатка одежды уже не выдерживали холода. Во второй половине февраля 1614 г. разгорелась борьба на подступах к Старой Руссе»³⁷.

В этот же период шведы убили брата Андрея Палицына. Позже Андрей Федорович писал царю: «А брат, государь, мой родной, за твое государское имя от Якова Понтусова по составам разрезан, а мертвое тело его брошено в Волхов». Сам Палицын в это время сидел в острож-

ке, и «его добыть было не можно», иначе его постигла бы участь брата. Палицын «много тогда помешал» шведам и их сторонникам³⁸.

Весной 1614 года в районе Рамышево установилось относительное затишье. Теперь главные события происходили севернее – в районе Рахин острог – Вейны, а затем у Бронниц, куда из Торжка подошел с войском боярин Д. Т. Трубецкой. Именно сюда были стянуты основные силы русских войск. По-видимому, часть отряда Палицына из-за трудностей с продовольствием и выполняя приказ Трубецкого также была отправлена к Бронницам. Сил у Палицына оставалось слишком мало, чтобы он мог вести активные действия. Однако казаки Палицына продолжали держаться в своем укреплении. В мае 1614 года Густав Адольф писал Я. Делагарди, что в связи с тем, что у Старой Руссы все еще стоят московские полки, нет основ для заключения мира с Россией, хотя Государственный совет Швеции не желает продолжать войну³⁹.

После поражения Д. Т. Трубецкого у Бронниц 14 июля 1614 года инициатива перешла к шведам, угроза Новгороду была ликвидирована. Трудно сказать, когда «русские укрепления у Старой Русы были сорваны», как пишет Е. И. Кобзарева⁴⁰. Осторожный в выводах С. В. Бахрушин отмечал: «...вероятно, в связи с отступлением Д. Т. Трубецкого из-под Бронниц должен был и Палицын покинуть свою позицию под Русой». Г. В. Форстен сообщал, что теперь ряд русских укреплений был прорван, так что шведы снова имели возможность свозить в Новгород припасы и корм из южных городов Новгородской области. Те из русских воинов, которые находились в Руссе, отступили оттуда, как только узнали о падении Бронниц⁴¹. С этим мнением согласен и А. Л. Станиславский: «После поражения Трубецкого под Бронницами, русские гарнизоны оставили Старую Руссу и Порхов. Во время отступления к Торжку армия начала распадаться. Отряд А. Палицына, отступивший из Рамышевского острога, тоже распался»⁴². В конце августа 1614 года Андрей Палицын уже находился в Москве, а 1 сентября уже получал от царя награды за службу.

В результате этих боев под Старой Руссой уезд летом 1614 года был полностью разорен. Источники рисуют страшную картину запустения этих районов как летом 1614 года, так и через год, осенью 1615 года, когда здесь проезжали голландские дипломаты на переговоры в Дедерино⁴³. В августе 1614 года о запустении погостов уезда писал сам Делагарди. В Старорусском уезде: в «Ромашевском, Черештинском, Коломенском, Офремовском погостах» «от немецких и от воровских людей» были побиты многие крестьяне⁴⁴.

Правительство Михаила Романова высоко оценило заслуги Палицына и его людей в Рамышево. Ряд детей боярских Деревской пятины получили позднее придачи к поместным и денежным окладам за Рамышевское сидение. Среди них – Богдан Дирин, Григорий Языков, Мелентий Вараксин⁴⁵. Попавшие в плен в период обороны Рамышево и при отступлении из этого острожка Софон Оклячиев и Сила Ивков также были награждены⁴⁶.

Сам же Андрей Палицын за осадное сидение в Рамышевском острожке, за то, что он «в Новгородском уезде немецких людей побивал», был высоко отмечен самим государем Михаилом Федоровичем. Из Книги сеунчей мы узнаем, что 1 сентября 1614 года Андрей Федорович был пожалован царем у стола бархатной шубой на соболях и серебряным ковшом⁴⁷. Известно, что такой награды за пять лет завершающего этапа Смуты (1613–1618 гг.) удостоились всего около 30 человек. Это было пятое награждение при Михаиле Федоровиче. Ранее такие награды получили воеводы Бутурлин за взятие крепости Белая, Туренин за оборону Тороща, Прозоровский и Вельяминов за Тихвинское осадное сидение, Львов и Секерин за рейд в Литву.

В дальнейшем, в конце 1614 года Андрей Палицын вновь отличился в боях с поляками под Торощом, где его казаки разбили польский отряд гетмана Корсака. Некоторые дворяне, особенно из высокопоставленных лиц, презрительно называли его «казачьим воеводишкой». Возможно, здесь проявилась обычная зависть к удачливому воеводе, осыпанному царскими наградами. А. Ф. Палицын оказался *единственным* воеводой, который получил *вторично* от царя достойную награду – шубу, причем через полгода после первой награды. Это событие произошло 25 марта 1615 года. Вместе с А. Ф. Палицыным за эту «Торопецкую службу» богатые награды получили более знатные воеводы, которые находились в Тороще⁴⁸.

К сожалению, приведенные отрывочные сведения о событиях под Старой Руссой зимой 1614 года не позволяют ответить на многие вопросы. Например, какие меры предпринимал воевода Старой Руссы при шведах Андрей Константинович Шаховской и новгородские дворяне, находящиеся на службе у шведов, по противодействию казакам Андрея Палицына; предпринимали ли казаки Палицына попытки захвата новой шведской крепости в самом городе; какие переговоры вели воеводы из войска Трубецкого Ратман Вельяминов, Андрей и Григорий Шаховские с дядей А. К. Шаховским⁴⁹, при каких обстоятельствах произошел уход казаков Андрея Палицына из-под Старой Руссы и т.д.

В целом, активные действия отряда Андрея Палицына в районе Рамышево на долгое время приковали к себе все внимание шведского командования. Шведы не могли выделить крупные силы для наступления на Гдов и Псково-Печерский монастырь. Поэтому все попытки Эверта Горна и Пьера Делавилля овладеть в феврале 1614 года данными крепостями закончились провалом. Временно шведы вынуждены были отказаться от похода на Псков; псковичи получили некоторую передышку и сумели лучше подготовиться к отражению шведского наступления в 1615 году. Активные действия А. Ф. Палицына также отвлекли на время внимание шведов от Тихвина, способствовали разгрому черкас под Олонцом в феврале 1614 года.

Воевода Д. Т. Трубецкой не сумел воспользоваться благоприятным моментом: формирование его армии происходило медленными темпами, поэтому вместо наступления к Новгороду боярин Трубецкой вынужден был зимовать в Торжке. На ближние подступы к Новгороду, в район Бронниц, войско Трубецкого вышло только в мае 1614 года, когда шведы уже сумели овладеть ситуацией.

Также активные действия отряда Палицына оказали влияние на ход боевых действий против Польши, едва не привели к освобождению Смоленска. Крупные силы поляков, вместо того чтобы идти деблокировать Смоленск, гарнизон которого едва держался, вынуждены были действовать в районе Невеля против отрядов Валуева, которому оказывал помощь Андрей Палицын. В итоге Смоленск едва не был взят москвичами, и лишь ошибки русского командования помогли полякам удержать город.

¹ Немцы сумели вывести войска своей 16-й армии из Демянского котла через Рамышевский коридор только в феврале 1943 г., через год после 1-й Демянской операции.

² Микрофильмы этих документов находятся в ГА РФ. См.: ГА РФ. Ф. Р-8091. КМФ-9. Швеция. ЗА-37, ЗА-55.

³ Riksarkivet. Stockholm: Kriehistoriska samlinger. VII. Handlinger, rörande Ryska kriget. № 10; Muscovitica. Vol. 17; Riks registratur et; Scrivelser till Gustav II Adolf. Del. II. Brev från myndigheten etc. A. Rakninge kammaren.

⁴ Tartu ülikooli raamatukogu. Käsikirjade ja haruldaste raamatute osakond (TUR KHO). F. 6. Papiere a.d. la Gardischen Familienarchiw.

⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 96 – Сношения России со Швецией; Ф. 210 – Разрядный приказ.

⁶ *Вязьин И. Н.* Старая Русса в истории России. Новгород, 1994. С. 64; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на пере-

- леме истории. М., 1990. С. 106; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 304, 322.
- ⁷ *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 176. Первое изд. см.: *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Века. Пг., 1924. С. 79–110.
- ⁸ Андрей Федорович Палицын – двоюродный племянник известного деятеля Смуты, келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына. С. В. Бахрушин привел некоторые эпизоды из его биографии в 1607–1612 гг. А. Ф. Палицын в 1608 г. примкнул к тушинцам, находился в Тотье, выполняя задание Ивана Заруцкого, затем перешел на сторону Василия Шуйского, был в Троице у дяди, келаря Авраамия. Осенью 1610 г. мы видим его в свите Филарета под Смоленском, где Андрей Федорович принес присягу королю Сигизмунду и получил от короля ряд наград. В дальнейшем он принимал активное участие в ополчениях Ляпунова и Пожарского. Как представитель Нижегородского ополчения А. Ф. Палицын был воеводой в Угличе, а в апреле 1613 г. находился в составе делегации к царю Михаилу Романову.
- ⁹ *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 416–417. В ноябре 1611 г. из Новгорода к Псковскому вору «отъехал» Федор Палицын, отец Андрея Палицына.
- ¹⁰ *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 106.
- ¹¹ Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1974. С. 260–262: «...да 11 ч. атаманов, да 1045 казаков с Москвы, ...да декабря в 21 день... приехали в Торжок казаков: с атаманом с Нагаем Тимофеевым 28 ч., с есаулом с Андреем с Гарасимовым да с Тимохой Беденским 84 ч. казаков, ...атаманов, которые испомеществлены на Вологде – 24 ч., дворян Бежецкой пятины 2 ч., Деревской пятины 39 ч.» См. также: Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. Т. 1. СПб., 1850. Стлб. 107–109; См. также: *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 105.
- ¹² *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 304.
- ¹³ *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁴ *Юхан Видекинд.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 290. Данное письмо Густава Адольфа Яков Делагарди получил 10 октября 1613 г.
- ¹⁵ *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 288.
- ¹⁶ Там же. С. 290.
- ¹⁷ *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. II (далее – НИС). См. также: *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 116–117.
- ¹⁸ *Форстен Г. В.* Россия и Швеция в Смутное время // Журн. Министерства народного просвещения. 1889. Вып. X. С. 198 (далее – ЖМНП).
- ¹⁹ Расспросные речи Никиты Калитина. Февраль 1614 г. // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А. В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5, № 9. С. 28–29 (далее – НОЛД). Никита Калитин был в плену в Пскове в ноябре 1613 – январе 1614 г. За время плена он узнал от псковичей важные сведения.
- ²⁰ Предложение Горна новгородским чинам. 25 января 1614 г. Перевод // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1846. Т. 2, № 12. С. 30 (далее – ДАИ).

- ²¹ *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 288. Г. В. Форстен также отмечал, что в Москве обнародовано было воззвание идти всем к Старой Руссе на подмогу казакам против шведов. См.: *Форстен Г. В.* Указ. соч. С. 202.
- ²² *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 290.
- ²³ Расспросные речи Никиты Калитина // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 9. С. 29.
- ²⁴ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1: Книга сеупей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского. М.; Варшава. 1995. С. 24–25.
- ²⁵ Отписка воеводы Андрея Зерзиева Палицына о присылке к нему в острожек под Старую Руссу ратных людей // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н. А. Попова. Т. 1. СПб., 1890. № 54. С. 87–88 (далее – АМГ).
- ²⁶ *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 290.
- ²⁷ АМГ. Т. 1, № 54. С. 88.
- ²⁸ Грамота Михаила Романова А. Палицыну. 5 марта 1614 г. (ответ на отписку 22 февраля) // РГАДА. Ф. 210 – Разрядный приказ. Московский стол. Оп. 17. № 8. Столик 2. Л. 2–3 (см. также: *Кобзарева Е. И.* Новгородская земля и шведы в период Смуты XVII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006).
- ²⁹ АМГ. Т. 1, № 54. С. 88.
- ³⁰ *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 310; *Форстен Г. В.* Указ. соч. С. 202.
- ³¹ Отписка воеводы Андрея Зерзиева Палицына о поражении им между Новгородом и Русою немецких людей, при чем захвачены языки шесть человек, с приложением «листа» из Старой Русы от немецкого воеводы о размене пленных казаков на тело каптана Баннера, убитого под Рамышевским острожком. Март 1614 // АМГ. Т. 1, № 61. С. 98–99.
- ³² *Курбатов О. А.* Тихвинское осадное сидение. М., 2006. С. 14.
- ³³ АМГ. Т. 1, № 61. С. 98.
- ³⁴ Отписка воевод Д. Т. Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков немецких людей и об отсылке их в Москву. Расспросные речи языков. Март-апрель 1614 г. // АМГ. Т. 1, № 78. С. 115–118.
- ³⁵ АМГ. Т. 1, № 61. С. 99.
- ³⁶ *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 178; АМГ. Т. 1, № 54, 61.
- ³⁷ *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 322.
- ³⁸ *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 178.
- ³⁹ *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 340–344.
- ⁴⁰ Там же. С. 338.
- ⁴¹ *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 178; *Форстен Г. В.* Указ. соч. С. 207.
- ⁴² *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 116–117. Порхов все время оставался в руках шведов, в данном случае автор допускает источник. Говоря о «русском гарнизоне» в Старой Руссе, историк, скорее всего, имел в виду отряд А. Ф. Палицына в Рамышево.
- ⁴³ Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. Т. 24. СПб., 1878.
- ⁴⁴ Наказная память Я. Делагарди и кн. Н. И. Одоевского Л. Милославскому, подьячему И. Заденскому. 5 августа 1614 г. // ДАИ. Т. 2, № 19. С. 38–40.
- ⁴⁵ Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Деревская пятнина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное дви-

жение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М., 2003. № 135. С. 259–265: «Дирин Богдан Давыдович. За Рамышево, за осадное сидение, как сидели в Рамышевском острожке от немец и за выход 100 чети, денег из чети 10 руб. Языков Григорий Васильевич. В 122 году за Карамышевское осадное сидение 50 чети, пущен в четь, денег из чети 5 руб. Вараксин Мелентий Тараев. 124 г. За Карамышевское осадное сидение 50 ч., 2 руб.».

⁴⁶ Сыскная десятина... С. 259–265: «Оклячиев Софон Васильевич. В 122 г. за Карамышевское осадное сидение и за немецкий полон – 50 ч., 5 руб. Ивков Сила Вешняков. В 122 г. за Карамышевское осадное сидение, за раны и немецкий полон – 100 ч., 6 руб.».

⁴⁷ Памятники истории Восточной Европы... С. 29: «1.9.1614 г. За Рамышевскую службу и за осадное сидение дано государеву жалование у стола Ондрию Палицыну шуба бархат бурской на соболех цена 54 рубли и 25 алтын, ковш серебрян, а в нем весу гривенка (два фунта) 26 золотников».

⁴⁸ Памятники истории Восточной Европы... С. 35–36: «25.3.1615 г. Дано боярину князю Андрею Юрьевичу Сицкому за Торопецкую службу государеву жалование у стола шуба... цена 103 рубля... Князю Федору Елецкому шуба... цена 81 рубль... Андрею Палицыну у стола же – шуба камка бурская на кунницах цена 39 рублей 16 алтын 4 деньги, ковш серебряный, весу в нем 3 гривенки 7 золотников».

⁴⁹ См.: Следственное дело приказного стола Разрядного приказа за 1614 г. (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Приказного стола). Дело называется «О сношении Ратмана Вельяминова, восводы в полку князя Трубецкого князя Андрея и Григория Шаховских с дядей последних, новгородским изменником Холмитиным князем Андреем Константиновичем Шаховским».